

*Мастера***ПЕРСПЕКТИВЫ АНАЛИЗА
СОВРЕМЕННОГО АПОКАЛИПСИСА:
ИДЕИ В.А. ПОДОРОГИ
В ЮЖНО-РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ****В.П. Макаренко***Южный федеральный университет*

Аннотация: В статье анализируются политические аспекты творчества В.А. Подороги: проблемы власти и её кризисов, оппозиции, интеллигенции и когнитивного сопротивления власти, соотношения политики и политического и др. В интерпретации автора статьи, проект В.А. Подороги представляет собой поиск философского ответа на вопрос о «мировом» значении ГУЛАГа, на проблему современного Апокалипсиса, литературное выражение которого составили «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Шаламова.

Ключевые слова: В.А. Подорога, политика и политическое, власть, оппозиция, интеллигенция, когнитивное сопротивление, политика в области науки, политическая философия, антропология власти.

Выбор образа мысли и повод для знакомства

Под влиянием множества внешних факторов и сокровенных размышлений примерно к двадцатилетнему возрасту у меня сложилось представление: философия — это такой образ жизни и мысли, который требует от индивида предельной независимости от денег, власти и господствующих мнений в любой их форме. На философский факультет я поступал для проверки этого смутного представления. Однако во время учёбы убедился, что большинство университетского сообщества движимо совсем иными мотивами. У меня же под влиянием постоянного чтения художественной и философской литературы, лекций М.К. Петрова, опыта физического и интеллектуального труда, а также собственного характера смутное представление превратилось в твёрдое убеждение. Поэтому ко времени поступления в аспирантуру передо мной возникла жизненная и мировоззренческая проблема: как связать это убеждение с такими темами исследования, которые позволяют его сохранить и реализовать несмотря ни на какие обстоятельства? Я многократно обсуждал эту проблему (вплоть до драки) с друзьями-москвичами. Они посмеивались: «И ты согнёшься, рано или поздно».

Не мне судить, кто из нас был прав, и насколько мне удалось воплотить в собственную жизнь данное убеждение. Но во всех своих работах я развиваю принцип дистанции по отношению к существующим в данном месте и времени денежным мешкам, власти, государству, идеологиям. Не менее критически я отношусь к шаблонам массового сознания и поведения, включая множество прошлых и нынешних интеллектуально-политических мод — от «развитого социализма» и «образа жизни» до «модернизации» и «национальной идентичности». Эти моды вырабатываются лицами и группами, которых со студенческой скамьи я называю *холуями* и *хуторянами*. Холуями — поскольку данные группы настроены сервильно в отношении денег, власти, идеологий. Хуторянами — поскольку сложившиеся в условиях данного места и времени отношения воспринимаются данными группами некритически. Жена предлагает называть ту же публику *злыми побирушками*. Читатель может выбрать, какая квалификация и «образ жизни» ему больше по душе...

В любом случае меня всегда интересовали люди, которые сопротивляются «сложившимся обыкновениям». С Валерием Александровичем Подорогой я познакомился в начале 1980-х гг. Этому предшествовали обстоятельства публикации моей первой книги и прикрепления к Институту философии АН СССР для завершения докторской диссертации по истории философии. В 1974 г. я поставил перед собой цель создать марксистскую теорию бюрократии. В 1982 г. первая книга на эту тему была завершена. Я обсудил её на заседании кафедры логики, этики и эстетики философского факультета, получил рекомендацию к печати и отнёс книгу в издательство Ростовского университета. Там сказали, что специалистов в Ростове по этой теме нет. Поэтому нужны рецензии специалистов из Москвы. Я отвёз рукопись книги В.А. Вазюлину (специалисту-марксоведу), Ю.А. Замошкину (автору одной из первых статей на тему бюрократии в журнале «Вопросы философии») и Р.А. Сафарову (специалисту по проблеме общественного мнения). Все они дали положительные отзывы на книгу.

Однако издательство РГУ решило подстраховаться и само послало рукопись на дополнительное рецензирование в Институт философии АН СССР. Там она попала к В.А. Подороге. Он тоже положительно оценил книгу, но высказал два замечания: что я превращаю метафоры Маркса в понятия; что я отождествляю теорию бюрократии с теорией бедственного положения людей. С этими пороками приходится жить и мыслить до сих пор. Зато книга стала поводом для знакомства с интересным человеком и оригинальным мыслителем.

Впервые я лично познакомился с Валерием Александровичем на одном из годовых собраний Советской ассоциации политических наук и сообщил ему о своем намерении прикрепиться к Институту философии АН СССР для завершения диссертации. Он одобрил это намерение — и я имел возможность два года непосредственно с ним общаться. Между нами установились нормальные отношения коллег. Мне нравилась его погруженность в свои дела и некоторая дистанция в отношении окружающих людей и обстоятельств. Чувствовалось, что он не шутил с выбором профессии, и она не является для него способом реализации холуйства, хуторянства и побирушничества¹.

К такому выводу меня подтолкнула одна ситуация. Как-то мы курили в компании на площадке четвёртого этажа чёрного хода в Институте философии. Я сказал, что хотел бы опубликовать книгу о Максе Вебере в одном из центральных издательств. Валерий Александрович тут же отреагировал: «Хочешь деньгу зашибить?» Сам вопрос свидетельствовал о его скептическом отношении к профессии философа как способу заработка денег. Значит, он направил профессию на другие цели.

В этом я первоначально убедился при чтении книги «Власть: очерки современной политической философии Запада». В ней были помещены интересные статьи И.И. Кравченко,

¹ В 1989 г. я под псевдонимом опубликовал статью, в которой показал, что большинство столичных жителей тоже не свободны от хуторянства. Но это относится далеко не ко всем [см.: Козырев 1989].

Ю.М. Батурина, Л.Г. Ионина, М.К. Рыклина [Власть... 1989]. В.А. Подорога опубликовал в книге главу «Власть и познание (археологический поиск М. Фуко). Его текст я прочёл с большим удовольствием, а затем использовал его в лекциях и публицистике.

Следует упомянуть, что со школы терпеть не могу педагогов, которые повторяют учебник. Однако со студенческой скамьи знаю, что значительная часть университетских «препов» не читают научную литературу, уныло жуют из года в год учебник или собственный кандидатский (или докторский) опус. Чтобы не уподобляться трамваю, ходящему по одним и тем же рельсам, я со времени первой своей лекции стремился рассказывать студентам то, что узнал из изучения первоисточников и свежих научных журналов. Цель преподавания я формулировал так: связать собственные исследования с преподавательским процессом. Поэтому работы Валерия Александровича интересовали меня не только сами по себе (здесь надо писать особую статью о работах раннего В.А. Подороги, к чему я не готов), но прежде всего в контексте интереса к проблеме кризиса власти и политической оппозиции [Макаренко 1990]. На рубеже 1980–1990-х гг. эта тема была центральной в политической практике и возникающей в СССР политической теории, стремящейся к независимости от денежных мешков, государственной власти и господствующей идеологии. В конце 1980 — начале 1990-х гг. в Ростовском университете устраивались первые всесоюзные политологические школы и конференции. Я участвовал в них в качестве организатора и лектора и в меру собственного разумения распространял идеи В.А. Подороги среди бывших историков КПСС, исторических материалистов, научных коммунистов и тому подобных стрекулистов. Для иллюстрации приведу один из текстов 25-летней давности, написанный под влиянием его статьи [Макаренко 1991; Макаренко 1992].

Первое чтение

В СССР и других странах Восточной Европы формируется политическая оппозиция. Правящие партии раскалываются на консервативные и радикальные блоки. Появляются новые движения и политические партии. В парламентах возникли группировки. Позиции СМИ всё более расходятся.

Однако проблема политической оппозиции в странах, которые до недавних пор называли себя «социалистическими», не изучена. Это на руку консервативным силам, по привычке смешивающим оппозиционную деятельность о «антисоциалистической, антигосударственной и антикоммунистической». Жаргон периода гражданской и холодной войн господствует на страницах печати и мешает понять всю сложность современных политических процессов. Как разрушить укоренившийся предрассудок, согласно которому оппозиция есть патология, а не норма политической жизни?

Для этого необходимо трезво отнестись к способам легитимизации существующей власти. Она использовала все концепции правомочности, а также систему идеологических и политических обещаний в своих целях. Толковала демократию так, как ей выгодно. Связывала её с разделом общества на руководителей и подчинённых. Поэтому вся система экономической политики, законодательства, информации, использования науки должны быть либо отвергнуты, либо опробованы заново.

Советское общество стоит перед необходимостью разрушения трёх систем: тоталитарной власти, идеологической унификации населения и бюрократического управления обществом. Политическое недоверие должно быть направлено на главные экономические, политические и идеологические основания существующей политической системы.

Следующая проблема — степень свободы политической оппозиции. Обычно эта степень определяется через систему законодательства. Но такое определение есть разновид-

ность конституционного кретинизма и политической софистики. Определение политической оппозиции должно быть оценочно нейтральным, базироваться на соединении либерализма, анархизма, марксизма с концепцией радикального нейтрализма, разработанной М. Фуко и описанной В.А. Подорогой.

Существенные моменты этой концепции — указание на недостаток определения власти через закон и сознание, отбрасывание традиционных теорий власти, фиксирование внимания политолога на технологии надзора, тренировки, обучения, экзамена. Единственной мишенью власти является не сознание и закон, а тело. Тем самым возникает возможность переосмыслить традиционное отношение между интеллигенцией и властью в целях культивирования определённой методологической и политической позиции политолога.

Для выбора такой позиции требуется выработка региональной системы борьбы с властью, отбрасывание классовых, национальных и партийных интересов, пренебрежение спорами по поводу традиционных политических лозунгов (типа «свобода – господство», «либерализм – тоталитаризм», «социализм – капитализм», «право – закон»). Соединение идеи К. Мангейма о «свободно парящей интеллигенции» и концепции структурализма в его политологическом применении означает независимость интеллигента от доминирующих типов сознания, политических конфликтов и идеологий и конструирование *социальной и аполитической теории власти*.

Но как добиться радикального нейтрализма в обществе, которое не предполагает ничего подобного? Для этого необходимо отбросить традиционную модель места интеллигенции в обществе и отвергнуть бессознательную привязанность политолога к доминирующей идеологии. Сегодня всякий человек, считающий себя интеллектуалом, должен учитывать, что место прежнего интеллигента заняли СМИ. Интеллектуал уже не может быть представителем «центристских» политических концепций. Он всегда смещён в сторону от центра.

Если учитывать политизацию знания, которое производит интеллигент, то он обязан бороться против власти в рамках самого социального и естественнонаучного знания. Существует два уровня борьбы с властью: борьба с её внешними формами (типа насилия, репрессий и законов) и формами внутренними, которые имманентны знанию, производимому политологом. Интеллектуал вынужден отдавать приоритет борьбе с внутренними формами, поскольку в противном случае функция авторефлексии исчезает.

Политику знания должен определять тот, кто его производит. Политик сегодня уже не имеет права использовать знание в целях «всеобщего блага или интереса». Все ныне действующие политики манипулируют частными истинами в целях, которые остаются проблематичными. Интеллигент должен фиксировать пункты разрыва социальной, экономической и политической систем и действовать в этих пунктах.

Носитель знания сегодня обязан противостоять репрессивному действию классов, наций, партий, государства, групп и действовать в промежуточном пространстве социального знания. Требуется заново осмыслить концепцию негативной свободы, разработанную философами Нового времени. Политолог должен стимулировать асоциальное действие и поведение, формировать политику, которая своим остриём направлена против власти на макро- и микроуровнях. Такая борьба никогда не ведётся внутри политических институтов, а всегда направлена против них. Опыт данной борьбы надо систематизировать.

Политолог — не пария, не изгой, но и не посредник между властью и гражданами. Ему необходимо изучать крайние формы проявления власти, связанные с деспотизмом. М. Фуко показал, что тюрьма (наряду с фабрикой, издательством, вузом и др.) — это наиболее откровенное место проявления власти. До тех пор, пока они сохраняются, интеллигент не должен поддерживать социальный и политический консенсус и занимать место в высших инстанциях власти.

По мере сближения с властью правительств, партий, групп, авторитарных идеологий, политолог должен предпринимать деструктивные усилия в обратном направлении, обеспечивающем маргинальный характер теоретического и политического поиска. Программы политологических исследований должны формироваться на основе знания, отвергаемого обществом.

Для этого необходимо создавать новые пространства политической речи. Все господствующие институты производства знания, морали, закона и власти должны находиться под сомнением. А в каждом корпусе профессионального знания должно выделяться знание подавляемое и знание подавляющее. Если политолог считает себя интеллигентом, он обязан примкнуть к тому знанию, которое подавляется. Изучать генеалогию власти и знания, укреплять теоретически и идеологически центробежные силы общественного устройства и на этой основе вырабатывать конкретный опыт борьбы с властью и передавать его студентам и ученикам.

В.А. Подорога на основе анализа работ М. Фуко указал следующие направления борьбы:

1) она должна быть непосредственной или направленной против конкретных проявлений власти. Победа или поражение в этой борьбе не относятся к прошлому или будущему, а значат только «здесь и сейчас»;

2) быть экстерриториальной — не ограничиваться регионом, страной, национальными границами или институтами господства. Каждый из нас обязан двигаться поперек власти, где бы она ни функционировала. Каждый из нас с помощью профессионального политологического знания должен блокировать все попытки его использовать в целях укрепления иерархии социального и политического господства;

3) политическое действие должно опираться на политику меньшинств и региональных групп, а не на поиск их единства. В этом смысле цели всех политических институтов и цели политолога-профессионала расходятся. Всякие попытки выработки таких программ исследования, которые могут быть использованы для манипуляции, должны быть отброшены. Интеллигент должен обеспечивать теоретически эту борьбу в рамках каждого социального учреждения, поскольку учреждения более могущественны, чем люди;

4) следует создавать группы по случаю и распускать их, едва возникает угроза институционализации. Все мы обязаны ускользать там, где власть ещё могущественна, и атаковать там, где она ослаблена или не ожидает нападения. Надо учиться бороться против связи знания с властью и привилегией познания.

Итак, выбор политолога между властью и оппозицией должен базироваться на новой теории власти. Эта теория может быть определена как способ провоцирования или понуждения власти к высказыванию о самой себе. На этой основе возможна выработка политической стратегии промежуточных групп, через деятельность и сознание которых и движутся общечеловеческие ценности.

Такие тексты я публиковал 25 лет назад. Теперь прошу Валерия Александровича определить, правильно ли я излагал его интерпретацию Мишеля Фуко? Что касается содержательной стороны данного текста, то обсуждение проблемы профессионализма в политической науке показывает, что позиции политолога — холуя-хуторянина-побирушки в ней до сих пор преобладают [Коргунюк 2013]. Таково следствие огульной переквалификации (по инициативе Министерства высшего образования СССР) историков КПСС и научных коммунистов в политологов. Поэтому мне кажется, что ранние работы В.А. Подороги не устарели, а поставленные в них проблемы до сих пор не разрешены. Для доказательства надо осваивать эти работы целиком. Поставлю задачу подороговедения перед своими студентами и аспирантами, а вместе с ними может и сам чему-то научусь...

Теперь скажу об одной из свежих работ коллеги.

Как понимать политическое?

В книге «Апология политического» В.А. Подорога описал ситуацию в современном российском обществе и отечественной философии: гуманитарное знание стало недоступным по причине принадлежности к группам влияния в политике, экономике, истории; уже больше двадцати лет образованная публика восхищается примитивными концепциями политического и геологика К. Шмитта, соглашаясь с его правоконсервативными установками; происходит моральная и интеллектуальная деградация государственных институтов по причине блокировки критически осмысленного знания и пропаганды геополитических идеологий.

В отличие от указанных фактов и трендов, В.А. Подорога предлагает развести термины *политика* и *политическое*. Первый термин принадлежит словарю политических наук и фиксирует автохтонные представления о власти, транс- или геополитику партий, институтов, вождей-автократов, групп. Политическое — это личностное знание (в смысле М. Полани), которое не переводится ни в групповую, ни в любую другую коллективную собственность. В.А. Подорога акцентирует роль систем личностного знания о политическом (описывая их на примерах анализа работ С. Эйзенштейна, М. Фуко, М. Пруста, Ф. Кафки, Г. Щедровицкого, М. Мамардашвили, А. Солженицына, В. Шаламова). По мере освоения свободы возрастает ценность политического: «Политическое — это сингулярное, не регулярное, индивидуальное, не коллективное, избыточное, не достаточное; оно принадлежит свободно изменяющемуся сообществу, отдельным его акторам, не связанным между собой едиными целями, идеологией, волей к власти... Это сообщество не существует компактно в реальном пространственно-временном и культурном локусе, оно виртуально, постоянно меняется, скапливается вокруг возникающего очага личностного знания. Отсюда и стратегия политического как особенной, возможно, даже уникальной, т. е. личностной, формы знания» [Подорога 2010: 8].

Политика философии — это свободное действие субъекта, осуществляющего критическую функцию в обществе на основе профессиональной компетенции. Философия должна быть политикой истины. У философии нет собственного опытного знания. Её цель — критически перерабатывать иной опыт. На переходе между иным опытом и мыслью возникает место политики философии. Политическое — это способ выживания философии в современной мировой культуре.

Для иллюстрации потребности такого выживания В. Подорога приводит эпизод, в котором проявилось моральное, интеллектуальное и эстетическое *недоверие* восточного марксиста к западному². Этот эпизод фиксирует *противоборство и равенство культур мысли в*

² Весной 1990 г. на международной конференции в Дубровнике обсуждение доклада М.К. Мамардашвили завершились скандалом. По мнению В.А. Подороги, то был конфликт между западным и восточным марксизмом. Советские марксисты в отношении к западным марксистам испытывали *моральное недоверие*, которое сводилось к аргументам: мы боролись, страдали, гибли за идею, в то время как вы принадлежали к буржуазному истеблишменту, владели собственностью, имели признание, аудиторию, учеников, и не отказывали себе ни в чём; ваш потребительский марксизм — способ эффективного продвижения по карьерной лестнице; для вас это игра в марксизм, для нас недогматический марксизм всегда был решающим жизненным выбором, а не игрой. *Интеллектуальное недоверие* выражалось в инвективах: вы политизируете истину, преподнесите её как общественно доступную, и даже ваша критика современного капитализма не служит ни чему иному, как превращению философского знания в товар, в разменную монету популярных «идей» массмедийного комплекса. Все наиболее успешные карьеры в области философии последних десятилетий (имелись в виду карьеры модных философских фигур — Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Лакана) — не результат обращенности к истине, а удачное вложение символического капитала («знания») в проект, получивший гарантии общественного признания. *Эстетическое недоверие* к Западу. Мы столько сделали для инкорпорации европейских ценностей в интел-

современной Европе. В то же время В.А. Подорога подчёркивает значение «...того негативно-го опыта мысли, той страшной силы отрицания, которой наделила нашу отечественную традицию мысли наша собственная История» [Там же: 16]. В России набирает силу старый нигилизм — смесь самоуничужения, юродивости и раболепия, которая превращает Запад в вечного врага.

Для полемики с этими шаблонами мысли В.А. Подорога предлагает осмыслить опыт существования философии в России на протяжении XX века. Он выделяет три периода: 1890–1923 гг. — начало институционализации и культурного признания в России философии; с конца 1920-х до середины 1980-х — время становления марксистско-ленинской идеологии до её разложения ещё до распада государства; с 1986 г. по настоящее время длится переходо-восстановительно-завершающий период. Он делится на три отрезка: первый (1986–1993 гг.) завершается нарушением основного закона (Конституции) — расстрелом Белого дома; второй (1994–2000 гг.) является самым депрессивным; третий начался в 2000 г. и длится до сих пор. Появляются признаки улучшения жизни, которые *власть бесстыдно переносит на свой счёт*. За стабилизацию общество платит высокую цену расслоением и неравенством. Продолжается захват важных позиций в массмедиа, усиление «вертикали власти», возникает политическая автократия. Размах коррупции свидетельствует о принятии решений в псевдокапиталистическом стиле, через систему откатов.

По мнению В.А. Подороги, едва власть перестала быть идейным и политическим оппонентом, — система прежних ценностей и профессиональных установок быстро распалась. Вместе с ней рухнула вся многоступенчатая советская философско-идеологическая культура. Теперь каждый гуманитарий предоставлен самому себе. Он стал свободен настолько, что ему даже решили не платить за труд. Философия получила свободу, но оказалась к ней не готова, и защищается от свободы уходом в специализацию. Возросла потребность в ангажированном философском знании. Гуманитарное знание ещё не способно осознать свою политическую миссию, оно лишено «воли к власти». «И до тех пор, пока *прислуживает* новой чиновничьей бизнес-корпорации, политикам и отдельным „властным“ группировкам, ждёт от них признания и подаваний, — пишет В. Подорога, — оно будет ограничено всё той же вспомогательной функцией» (курсив мой. — В.М.) [Там же: 18].

В.А. Подорога считает, что философия должна послужить методологической основой для переоценки всех комплексов идей, традиций, линий преемственности, эффективности «новых» и «старых» методов, методик и техник аналитической работы. Но переоценка невозможна без детального анализа «советского периода» в отечественной истории культуры. Советский период — это культурный разрыв, 70-летнее выпадение из мировой истории. Надо проанализировать все его последствия. Нынешнее беспамятство (тем более ностальгия) — признак рабского сознания. Этот разрыв В. Подорога предлагает назвать *тоталитарной паузой* — особым режимом умолчания о происходящем. Разрыв между событийным временем европейского человечества и временем отечественной культуры невозможно устранить даже тогда, когда он, «сглаживается и не ощущается столь трагически» [Там же: 19–20].

В.А. Подорога предлагает понимать советскую историю не с точки зрения респекции, а с перспективной точки зрения. Это означает суд над прошлым и отказ от него. Надо стереть

лектуальную среду советского режима. И теперь вы не признаете ни нас, ни наши идеи. Да что там говорить: разве отечественная философская культура, хотя бы богатство традиции, в чём-то повлияла на Европу или была освоена западными мыслителями. Конечно нет, ведь слишком «особая», слишком «оригинальная» (читай, слишком иррациональная) русско-советская философия никак не могла заинтересовать европейского интеллектуала (да к тому же русский язык кажется чуть ли не китайским). Запад пренебрёг своими приёмными детьми... и грубо разочаровал «восточных» марксистов [Подорога 2010: 14–15].

прошлое ради будущего. «Выдержать шок Прошлого, не давая ему вторгнуться в Будущее» [Там же: 20].

В тоталитарной паузе время определялось на основе тоталитарного господства. Контроль над временем мыслился как контроль над событиями. ГУЛАГ был остоном для внутреннего времени тоталитарной системы. В нём выражена идея полностью управляемого времени, из которого исключено экзистенциальное время. Поэтому главным предметом рефлексии должна стать идея Освенцима и ГУЛАГа как *абсолютного зла*.

В.А. Подорога считает, что философия в том виде, в каком она сформировалась в советское время, была протестна и аполитична. Политика представлялась ей как ложная практика. От неё нужно было уклоняться, чтобы сохранить верность знанию и надежду на иные возможности. Философия на выходе из «тоталитарной паузы» (т. е., в последние 20 лет) не сталкивалась с первичностью опыта. Таков «...самый решительный вызов, какой время бросает догматическому мирозерцанию и привычке к „уклонению“, культуре „чистого знания“, в чём долгое время пряталась живая мысль, не смея высунуться... Философия оказалась не готовой взять на себя ответственность за „знание“, полученное в радикально новой ситуации. Более того, попыталась отказаться от „нового опыта“, не заметить его. Философствование стало практикой мысли, циркулирующей в достаточно узком слое интеллигенции, чьи лидеры высокомерно сторонились всего политического, находясь в глубокой зависимости от травмирующих догм марксизма-ленинизма» [Там же: 22].

Сегодня ни в отечественной, ни в европейской культуре нет проектов интегративных метафизик. Поэтому благодаря политическому мысль наделяется значением и общественной ценностью.

В. Подорога развивает идею о связи между актом мысли, философским инструментарием и политическим выбором ради *укрепления свободомыслия*: «Мыслить сегодня — значит мыслить не за, а против философии (если определять всякий наличный „язык“ философии как ограничивающий и затрудняющий политику мысли). Понятно, что философия в том виде, в каком она до сих пор существует, как пропедевтика и назидание, как архив и собрание образцов, как академическая чиновная иерархия или университетский административный механизм, вовсе не способствует появлению мысли, которая могла бы принудить философию к активной реакции на изменяющуюся современную ситуацию... Политическое оказалось ближе мысли, чем философии» [Там же: 23].

Затем В.А. Подорога формулирует аргументы в защиту политики мысли:

1. Я свободен в выборе философского метода и свободен от покорного следования любому навязываемому универсальному методу. Конкурирующие методы позволяют совершить выбор. Фуко, Деррида, Делез, Гваттари говорят о политике, которую они избрали, отказавшись от следования догме старого метода. Такая политика философии и есть политика свободы выбора.

2. Традиционная «догматическая» философия завершила своё существование. Новая философия не служит ни методу, ни онтологии. Она исходит из превосходства объекта и осуществляет политику понимания на свой страх и риск. Никакого метода не достаточно, чтобы овладеть объектом и снова вернуть субъекту право на абсолютное господство. Онтологическая рамка мира сегодня — игра виртуальных стихий. Политика каждой специальной философии подчиняется собственным возможностям систематизации опыта.

3. Полным ходом идёт приспособление изобретаемого метода к политике мысли. Ранее философия казалась самой медленной из гуманитарных наук. Сегодня философское высказывание обладает почти мгновенной реактивностью и быстротой высказывания, которой она никогда не знала. «Философия теперь нечто вроде „скорой помощи“. Философ — тот, кто способен быстрее, чем другие члены интеллектуального сообщества, среагировать на изме-

няющуюся ситуацию» [Там же: 26]. Но быстрой является только та мысль, которая *сопротивляется* диктату массмедийного пространства.

Короче говоря, в русско-советской культуре XIX–XX вв. философствование стало бесильным аполитичным навыком. Но в запрещённой или забытой литературе сохранилась традиция противостояния власти. Именно на неё возлагалась обязанность представлять целостную картину общества и его критическую функцию. «Литературоцентристское общество, в котором мы до сих пор ещё пребываем, — пишет Валерий Александрович, — не знает философии, не ищет её, обходясь ценностями „прямой“ передачи опыта, распределяя по беспрецедентному числу больших и малых нарративов. Представляя демонстративно народные „боль и страдание“, на самом деле заставляет служить их удовольствиям рынка. Я имею в виду массмедийную пропаганду насилия, которая освобождает от старой боли и позволяет незаметно привыкнуть к новой, а потом и сдохнуть на глазах политтехнологов, агитаторов-пропагандистов ТВ. Тезис: философия имеет доступ к опыту свидетельств больше через литературу и искусство, чем через архив или документы истории. Или благодаря собственному вопрошанию» [Там же: 27–28].

Таким образом, проект В. Подороги — поиск философского ответа на вопрос о «мировом» значении ГУЛАГа. На этой основе он сопоставляет «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Шаламова как политику и метафизику. Обе в совокупности дают современный Апокалипсис, который детально исследовал В.А. Подорога.

Южно-российское уточнение

Опять-таки образ современного Апокалипсиса интересует меня не сам по себе, а в контексте вопроса: возникают ли в Ростове очаги личностного знания о политическом? Поскольку А. Солженицын — бывший ростовчанин, постольку на вопрос можно ответить положительно. Под таким углом зрения идеям В.А. Подороги надо придать ростовскую прописку и систематизировать историю и современный этап ростовского интеллектуализма. Речь идёт о становлении в Ростове независимого от власти литературного (А.И. Солженицын, В.Н. Семин) и философского (М.К. Петров) сообщества. Возникает ряд конкретных вопросов: как в ростовском интеллектуальном сообществе выражается восхищение правоконсервативными установками? как в этом сообществе происходит реанимация старого нигилизма — морального, интеллектуального и эстетического недоверия к Западу? в чем выразилось историческое, социальное и политическое бесстыдство местной власти? насколько в ростовском интеллектуальном сообществе выражены сервизм, хуторянство и побирушничество? кого считать знаковыми фигурами интеллектуального сервизма и духовного сопротивления среди ростовских обществоведов? как в южном регионе России выразилось абсолютное зло? как культивировать сопротивление диктату массмедийного пространства в его центральном и региональном измерении?

Я думаю, проект В.А. Подороги в главных пунктах совпадает с развиваемым мною проектом политической концептологии и когнитивного сопротивления. Мне представляется особенно важной его критика правоконсервативной традиции К. Шмитта, популярной ныне в России. Надо учесть, что современная философия колеблется между пietetом перед гражданскими идеалами свободной коммуникации и публичного пространства — с одной стороны, и общим престижем теорий рационального выбора во всей системе социальных наук — с другой стороны. Это колебание может рассматриваться как демонстрация различия в английском языке между двумя параметрами политики (“politics” и “policy”) [Европейский словарь философии... 2009: 55–66, 311–312]. Очень хорошо, что Валерий Александрович ставит эту проблему перед отечественными исследователями политики, поскольку она не сводится

лишь к употреблению языка. Концепт политического не сводим к политике! — так можно сформулировать эпиграф к исследовательской программе, инициированной В.А. Подорогой.

Напомню, что К. Шмитт ввёл понятие «политического» в 1932 г. в целях полемики с либерализмом. По его мнению, либерализм сводит специфику политического к противостоянию между этикой и экономикой. В результате «политика» преобразуется в способ ограничения государственного насилия в пользу свободы индивида. Концепция К. Шмитта является не только научной и нормативной, но и полемичной (о чем косвенно свидетельствует нынешнее организационное размежевание политической науки в России на Российскую ассоциацию политических наук и Российское общество политологов). С научной точки зрения проблема состоит в поиске критерия, который позволит установить фундаментальное различие в самом политическом того, что в моральном порядке является добром и злом, в эстетическом — прекрасным и безобразным, в экономике — полезным и вредным или рентабельным и нерентабельным. Однако этот поиск сам по себе есть способ дискредитации либеральной цивилизации, которая отвергает ведущую роль конфликта в конституировании политических обществ. По мнению Шмитта, специфика политического состоит в различении друга и врага, к которому можно свести все политические действия и движения. На примере нынешнего конфликта России с Украиной можно наглядно наблюдать практические следствия такого понимания политического.

Согласно Шмитту, политическое не сводится к культуре, экономике и этике, поскольку оно появляется лишь тогда, когда возникают кардинальные вопросы, решение которых может потребовать насильственного противостояния. Эта концепция базировалась на враждебном отношении её автора к Версальскому мирному договору и идеологии Лиги Наций. Она предполагает радикальную критику унаследованных либерализмом космополитических и гуманитарных идеалов. Однако Ульрих Бек показал, что в нынешнем обществе риска данные идеалы преобразуются в комплекс проблем, неразрешимых в рамках современного типа государственного устройства, независимо от того, как оно себя называет [Бек 2000; Бек 2008].

В. Подорога показывает, что сама по себе идея различения политического и политики даёт возможность мыслить политическое измерение человеческого бытия как трансисторическое действие, которое до сих пор вело к Апокалипсису. Наша страна принимала самое активное участие в постройке этой дороги. Поэтому различие между политическим и политикой не требует повторения тезисов Шмитта, а предполагает сдачу в утиль всех разновидностей интеллектуального эпигонства и рабства. Согласно В. Подороге, политическое обладает высшим достоинством по сравнению с политикой, поскольку оно отличается от повседневной политики, а также является предметом художественного, философского и теоретического отношения к действительности. В этом смысле концепт политического образует часть общего основания современной философии.

Список проблем можно умножать производно от пространственно-временной, дисциплинарной и персональной топологии гуманитарного знания на Юге России. Фоном вопрошания может быть концепт *искусства внутренней дипломатии*, который я развиваю почти 30 лет и предлагаю использовать для оценки периода перехода от реформ к реакции. Такой период длится в России с начала 1990-х гг. и, в принципе, воспроизводит ситуацию рубежа XIX–XX века. В России на рубеже XIX–XX вв. сложилась суперклассовая структура: класс распорядителей средствами насилия включал чисто авторитарный слой государственного аппарата и класс властителей-собственников; класс капиталистов включал властителей-собственников и чисто буржуазный слой. К чисто авторитарному слою принадлежали царь с ближайшим окружением (которое не следует путать с царской семьёй, члены которой тоже использовали свое положение для личного обогащения) и часть государственного аппарата (армия, уголовная и политическая полиция, дипломатические ведомства), которая не имела

доступа к экономическим решениям. Класс властителей-собственников увеличивался за счет чисто буржуазного слоя. Таким образом, уже в начале XX века политическая бюрократия России включала в свой состав чисто авторитарный слой государственного аппарата и класс властителей-собственников.

Данная характеристика имеет непосредственное отношение к государственному аппарату царской, советской и нынешней России и порождает следующие свойства её политической бюрократии: необъективность при отражении социально-экономической реальности; эмпиризм и оппортунизм; административно-политический волюнтаризм и идеализм; властно-административный прагматизм (не имеющий ничего общего с философским прагматизмом); отсутствие политической инициативы и эпигонство политического мышления; индивидуально-групповой макиавеллизм как господствующий тип политической морали (не имеющий ничего общего с искусством управления государством). Указанные свойства выражаются в *искусстве внутренней дипломатии*, которое воспроизводится в периоды российских «революций сверху», перехода от революции к контрреволюции, реформ к реакции. Речь идёт о следующих действиях, претендующих на политическое и *судьбоносное* значение.

Вначале публикуется правительственный документ (манифест, декрет, указ) о незыблемости режима, существовавшего до реформ. Параллельно производятся перемещения на высших уровнях власти. На пост, связанный с выработкой внутренней политики, назначается лицо, обладающее способностями демагога и пользующееся репутацией «нейтрального», «центриста» и т. п. Демагог через СМИ поддерживает политические иллюзии населения. Для этого используется эклектическая социально-экономическая и политическая концепция. В ней реформаторские, консервативные и реакционные установки политической бюрократии переплетены с интересами властителей-собственников и связанных с ними социальных групп. Для политических демагогов идейно-политические традиции своей и других стран образуют «склад» таких концепций. В зависимости от конъюнктуры может использоваться любая из них в самых причудливых сочетаниях с остальными. Поэтому отношение политической бюрократии к истории духовной и политической культуры всегда утилитарно (хотя этот утилитаризм не имеет ничего общего с концепцией И. Бенгама).

Затем начинается период обработки общественного мнения. То, что раньше было или казалось «неприемлемым», становится содержанием СМИ и образует *временно-официальную идеологию*. Для поддержки содержащихся в ней иллюзий осуществляются вербальные и символические преобразования. Одновременно приводятся в боевую готовность вооружённые силы и карательные органы. Их роль в политической системе усиливается. Параллельно в СМИ начинается борьба с временно-официальной идеологией. Особенно с теми людьми, которые отстаивают последовательность и радикальность социально-политических преобразований. Политическая бюрократия всегда стремится сохранить за собой монополию на использование и толкование любой идеологии, утилизирует краткость политической памяти населения, заполняя её калейдоскопом мнимых политических событий. По мере осуществления всех указанных действий наступает эпоха контрреволюции и реакции. В любой «революции сверху» в истории России можно обнаружить комбинацию указанных действий. Суть *искусства внутренней дипломатии* — игра с общественным мнением, поддержка политических иллюзий и осуществление любых изменений в стране лишь в той степени, в которой они укрепляют господство политической бюрократии и государственного аппарата. В этом качестве данное искусство входит в состав политического мышления правительства.

Политическое мышление правительства — это множество субъективных и институционализированных мнений членов государственной машины, претендующих на «объективность». Мнимая объективность обусловлена господством государства над обществом. С одной стороны, данная форма мышления не зависит от опыта, сознания и воли правительств, существую-

щих в любых странах в пространственно-временной определённости. Эта форма универсальна и присуща всем государственным аппаратам. С другой стороны, она зависит от административной карьеры лиц, образующих правительства разных стран. Особенности данной карьеры определяют специфику правительственного отражения социально-политической реальности, и могут быть оспорены и отвергнуты на основе той концепции политического, которую разрабатывает В. Подорога.

Эти общие положения подтверждаются исследованиями Валерия Александровича по антропологии власти.

Бек У. 2008. *Космополитическое мировоззрение*. — М.: Центр исследований постиндустриального общества.

Бек У. 2000. *Общество риска: На пути к другому модерну*. — М.: Прогресс-Традиция.

Власть... 1989. *Власть: очерки современной политической философии Запада*. — М.: Наука.

Европейский словарь философий... 2009 *Европейский словарь философий: Лексикон неперекладностей. Т.1*. — К.: Дух і літера.

Козырев В. 1989. Хуторяне в столице. — *Родина*. — № 12.

Коргунюк Ю.Г. 2013. *Кого считать, а кого не считать политологами?* — Доступно: <http://www.rapn.ru/in.php?part=1&gr=1623&d=4190&n=35&p=0&to>. — Проверено: 15.04.2016.

Макаренко В.П. 1992. Власть и нейтралитет. — *Дон*. — № 10–12.

Макаренко В.П. 1991. Власть, оппозиция и выбор политолога. — *Проблемы и перспективы развития политологии в вузах России: Тезисы докладов Всероссийской конференции (г. Ростов н/Д, 23–25 мая 1991 г.)*. Вып. 2. — Ростов н/Д.

Макаренко В.П. 1990. Кризис власти и политическая оппозиция. — *Политика. Теоретический и политический журнал ЦК КП Эстонии*. — № 11; *Советское государство и право*. — № 11.

Подорога В.А. 2010. *Апология политического*. — М.: Изд. дом Гос.ун-та — Высшей школы экономики.